

Все имена, персонажи и события этой книги сочинены автором. Любое совпадение с реальностью может быть только случайным.

— *Цветик-Семицветик, почему меня мамка не любит?*

— *С чего ты взял?*

— *Не любит, знаю.*

— *Скажешь тоже! Папка тебе вон тумачков дает, а мамка — нет!*

— *Все одно!*

— *Ерунду говоришь. И мамка любит, и папка любит.*

— *И ты?*

— *И я. Спи.*

* * *

Майским солнечным днем директор крупного коммерческого банка г-н Хрупов выглянул в окно своего офиса, располагавшегося недалеко от Арбата. На улице уже собралась небольшая толпа: журналисты в полном техническом снаряжении хищно поджидали его появления (в банк их не пустила охрана), а чуть поодаль притулилась горстка старушек с плакатом «Отдай народное добро!». А дело все в том, что одна ретивая газета провела «журналистское расследование» и опубликовала накануне информацию о том, как г-н Хрупов сколотил состояние, выманив обманным путем ваучеры у простого, экономически не подкованного народа, а затем бессовестно нажился на заработанных кровью и потом рублях, которые нищие доверчивые пенсионеры поместили в его банк.

Материал прозвучал громко, и сегодня прямо с утра к банку потянулись журналисты — эти сволочуги, эти пираньи, готовые вонзить свои ядовитые зубы в жирненькое, холеное тело преуспевающего банка и его директора.

Если бы он мог отсидеться в своем кабинете до вечера, он бы непременно так и сделал. Но предстоящую важную встречу никак нельзя было отменить, и потому к народу придется выйти. Недовольно хмыкнув, директор нажал на кнопку селектора и коротко переговорил со своей охраной, объяснив предстоящий демарш: он ответит на два-три вопроса журналистов, но к нему никого не подпускать и быстро расчистить путь к машине.

Он уже заготовил нужную фразу и нисколько не нервничал — его за просто так не возьмешь! Покидая кабинет, Хрупов повернулся к зеркалу, надел на лицо снисходительно-уверенную улыбку и, прочно зафиксировав ее в лицевых мышцах, с достоинством направился к выходу.

На улице, у сверкающего чистотой и мрамором подъезда банка, он под нестройное блеяние кучки фрондирующих старушек уверенно послал в вытянувшиеся к нему микрофоны несколько коротких, крепко сколоченных фраз о бездоказательности обвинений прессы и своей исключительной заботе о благе народа. После чего мелко засеменил в окружении охраны, прокладывая путь к его белому «Мерседесу». Шофер, завидев хозяина, уже услужливо распахнул дверцу, но внезапно Хрупов остановился. Настолько неожиданно, что на него налетел охранник, шедший сзади. Хрупов почувствовал неприятный, жгучий укол в шею, как если бы его ужалила пчела. Он поднес руку к месту укуса, почувствовал в нем инородное тело, размазал капельку крови, выступившую на коже, удивленно посмотрел на

окровавленный палец и даже почти успел крикнуть охраннику, чтоб тот глянул, что приключилось с его шеей...

Как вдруг захрипел, ноги его ослабли, подогнулись, и он, цепляясь за одежду своих телохранителей, осел на землю, ощущая странную судорогу в горле. Охрана бросилась к хозяину, взяла под локотки, бережно доволокла его, скрюченного от судороги, до белого кожаного сиденья «Мерседеса», подальше от глаз журналистов и народных мстителей в лице старушек. И уже внутри, защищенная от не в меру любопытных глаз железным панцирем и затемненными стеклами машины, приступила к расспросам: чего такого с хозяином приключилось, что он затеял наземь садиться на глазах у протестующего народа?

Хозяин, хватаясь за горло, промычал в ответ что-то нечленораздельное.

И умер.

* * *

Майским солнечным утром депутат Думы г-н Иголкин выглянул в окно своей квартиры на Патриарших прудах: машина уже стояла у подъезда, скромный, как полагал депутат, темно-синий с металлическим отливом «Фольксваген». Депутат Иголкин, утерев лоснящийся после обильного завтрака рот, привычно чмокнул круглолицую жену, прихватил кейс с бумагами и резво сбежал с четвертого этажа: сердцу полезны небольшие тренировки.

Размахивая кейсом, он шел к машине, излучая довольство самим собой, своим положением, своим завтраком и даже нелюбимой женой. Мельком глянул на сидевшую на скамейке сгорбленную фигуру: не знакомый ли, не кивнуть ли с ослепительно-приветственной улыбкой народного избранника? Фигура в мешковатом, не по погоде пальто и черных очках показалась

незнакомой, и Иголкин переключился на двух соседей, шедших навстречу, коим послал сладкую улыбку в ответ на их две, не менее сладкие. После чего он брезгливо обошел собачонку, семенившую на поводке у девочки, не забыв, однако, потрепать ребенка по голове: ребенок был соседский, а к своему имиджу в глазах соседей он относился весьма ответственно — это ведь первейший источник слухов и сплетен! Девочка неприязненно отстранилась от его равнодушной руки, но он не заметил или сделал вид, что не заметил.

На подходе к «Фольксвагену» Иголкин вдруг почувствовал неприятный, обжигающий укол в ногу, как если бы его ужалила пчела. Депутат не поленился, задрал брючину, чтобы посмотреть, что же приключилось с ногой, но брючина не поднималась достаточно высоко — не снимать же штаны на глазах у народа! Решив, что посмотрит в машине, Иголкин выпрямился, сделал три оставшихся до нее шага, но отчего-то потерял равновесие и клюнул прямоком носом в крышу «Фольксвагена».

Шофер, уже изготовившийся открыть заднюю дверцу, подскочил, подхватил незадачливого шефа — перепил небось начальник накануне, с ним это случилось! Хотя обычно он держался на зависть хорошо, и если бы салон машины не заполнял удушливый запах перегара, то и сам шофер ни в жисть бы не догадался!

Он помог Иголкину сесть на заднее сиденье, поинтересовался, как самочувствие. Получив затрудненный ответ, что все ничего, вот только странная сухость во рту и дышать тяжело, усмехнулся: знаем мы эту сухость с утречка, она нам всем знакома, горючего слишком много на грудь приняли накануне, господин начальник!

И только когда он доехал до места назначения и выскочил, чтобы распахнуть перед шефом дверцу, он понял по остекленевшему взгляду, что шеф того...

Помер шеф, одним словом.

* * *

Пасмурным майским днем генерал в отставке г-н Зайков отправился прогуляться до ближайшего магазина, находившегося практически напротив дома, только дорогу перейти. Покупок нужно было сделать совсем немного — так, мелочи, которые ему нужны были для дачи, куда он собирался отбыть завтра с утра. Он пристроился к кучке пешеходов, ожидавших зеленого, чтобы перейти на противоположную сторону. Неожиданный резкий прострел под правой лопаткой укрепил его в мысли, что ходить надо побольше: соли, артриты-радикулиты — все это, знаете, только движением можно изжить. Движение — жизнь. Он это еще с солдатских времен усвоил. С этой здоровой мыслью он и вошел в магазин.

Однако там он сразу почувствовал сухость во рту, головокружение, слабость и, бросив тележку, чертыхнулся и направился к выходу: ясно, что очередь в кассу ему не выстоять. Неужто грипп? Придется поездку на дачу отложить... Сейчас срочно водочки с перцем и витамин С — и поспать. К вечеру посмотрим, авось обойдется...

Жестокая судорога в горле прихватила его уже у подъезда. Он никак не мог вздохнуть, никак не мог ухватиться за скользкую от сырости круглую ручку тяжелой подъездной двери. Руки не слушались. Ноги тоже.

...Он так и умер, повиснув на дверной ручке.

* * *

— А помнишь, Цветик-Семицветик, когда я был маленький, я тебя спрашивал...

— Ты и сейчас маленький.

— А вот и не маленький! Большой!

— Ну, пусть. Дак чего ты спрашивал?

- *Почему мамка меня не любит?*
— *Во заладил!*
— *Я знаю, что не любит.*
— *А почему ты знаешь?*
— *Тебя любит, а меня нет. Я плохой?*
— *Хороший, хороший, вот наказание-то! Да не крутись в кровати, раз хороший, дай мне спать! И сам спи!*

* * *

— Третий... — произнес вслух Алексей Кисанов, читая газету.

— Третий что? — внезапно отозвались звонким юным голосом глухие недра его квартиры.

Алексей Кисанов (в дружеском просторечии Кис) уж было собрался вздрогнуть от неожиданности, как голосок добавил: «Или кто?», выдернув его память из короткого амнезийного обморока: это же Юля, его свежеиспеченная секретарша!

— Человек. Третий человек убит. За последний месяц, — недовольно откликнулся детектив. Недоволен он был самим собой: никак не мог привыкнуть к наличию секретарши.

— Удивляюсь я тебе, Кис, — затеял пару недель назад разговор Ванька, его жилец и по совместительству ассистент, студент юрфака и по совместительству прогульщик. — Бабок у тебя теперь навалом: имя звучит, как модная торговая марка, клиент ломится, как в гримерную к суперзвезде! Тебя уже можно под бой барабанов торжественно принимать в «новые русские»! А ты все живешь — совок совком. Ты хоть глянь вокруг себя, оторви глаза-то от компьютера: в квартире давно пора ремонт делать, желательно европейский! Мебель еще давнее требуется сменить — ну хотя бы в офисе!

И секретаршу надо завести, Кис! Чтобы двери открывала, ослепительно улыбалась и гостя к тебе в кабинет провожала! А то несолидно как-то: открываешь сам, в джинсах, в тапках... Нет бы галстук, костюмчик, ботиночки начищенные...

— Угомонись, чертяка! — грозно рыкнул Алексей, все еще пытаясь вникнуть в смысл изучаемых бумаг.

Ванька и впрямь со своей кудлатой башкой и быстрыми смешливыми глазами был похож на чертенка.

— Да нет, я серьезно! — Ванька разошелся и не собирался отступать. — Тебе пора менять имидж! Вот когда ты с Александрой идешь «на выход», на светские мероприятия, — так любо-дорого посмотреть: та-а-акой мэн, суперстар, прямо хочется интервью у тебя взять! Ты же умеешь классно выглядеть! На иных хоть самый дорогой костюм нацепи — все мешок мешком, а на тебе костюмчик — как родной...

— Родные так дорого не стоят, — хмыкнул Алексей, — они бесплатно выдаются при рождении... А джинсы что же, как двоюродные, что ли?

— Кис!!! — возопил Ванька. — Джинсы — это рабочая одежда! В них ра-бо-та-ют!!!

— Так а я что в них делаю? — простодушно поинтересовался детектив. Его забавлял юный Ванькин пыл. — Как раз и работаю...

— Ты издеваешься, да? А я, между прочим, прав! У кого хочешь спроси — солидному человеку нужен имидж. Специалисты по имиджу знаешь, сколько зарабатывают? Миллионы! А все почему? Потому что я прав!

— Тогда они с тобой должны делиться, — заключил Кис. — Раз зарабатывают на твоей правоте. Проси проценты, Ванек!

— Издеваешься, понятно... Ты бы хоть раз послушался умных людей, а? Да куда там, ты же себя самым умным считаешь! А сам живешь, как шнурок какой-то,

будто не видишь, что вокруг тебя делается! Сейчас каждая сопля и то старается себя подать, пыжится из всех сил, а уж тебе-то, известному детективу, сам бог велел о своем престиже позаботиться!.. Иначе тебя никто уважать не будет!

— Тебя послать или сам сходишь? — рывкнул Кис. — И где ты только этой лабуды набрался?

— Ага, как чего не по-твоему, так сразу — «лабудя!» — обиделся юный наставник Кисовой жизни. — К тебе какие люди ходят!

— Какие?

— Солидные, вот какие!

— И что, у них на одну ногу больше, чем у меня? Или на одну голову? Или чего у них такого есть, что я должен ради них менять свои привычки? Они умнее? Лучше? Может, честнее?

— Ой, уморил! — Ванька комично ухватился за живот. — Ой, не могу! Вы слышали? Нет, вы такое слышали? «Умнее, лучше, честнее!» Кис, тебе сколько лет? Уже полтинник не за горами, а рассуждаешь, как... как... Я даже не знаю, как кто!

— Как нормальный человек, — проинформировал Кис.

— В таком случае, дорогой Алексей Андреевич, все остальные — ненормальные!

— Согласен, — с присущей ему скромностью одобрил детектив Ванькино умозаключение.

Кажется, на этот раз Ванька не нашел что ответить. Кис, хитро кося глазом в его сторону, ждал, какой еще философский фортель выкинет начинающий специалист по престижу.

— Они — хозяева жизни, — выдал наконец Ванька. — И когда ты являешься перед ними в таком непотребном виде, смотрят на тебя, как на прислугу, — добавил он с обидой в голосе.

Обижался он, ясное дело, за Алексея, к которому был сильно привязан.

— Они приходят ко мне с просьбой о помощи, балбес. Запомни, в жизни пригодится: *проситель всегда находится в слабом положении*. Как там насчет «хозяев жизни» — не знаю, но хозяин положения — я. И от меня зависит, окажу я им помощь или нет.

Ванька задумался.

— Понял, — сказал он через минуту. — Чего ж не понять... А все-таки имидж не помешал бы!

— Мой имидж, если тебе так нравится, — это его отсутствие. Тот, кто приходит ко мне за помощью, ждет от меня дела, а не начищенных ботинок. И я свое дело знаю. Вот и весь имидж. А прибамбасами пусть обзаводятся те, кого больше не за что уважать. Тема закрыта.

— А секретарша? — жалобно спросил Ванька. — Подумай, тебе же и в самом деле нужна секретарша, Кис! Ты же зашиваешься! А меня как раз одна девчонка с курса просила ей работу помочь найти... Она иногородняя, ей зарабатывать надо, родители не могут ее содержать... А?

— С этого и надо было начинать, — рассмеялся Алексей.

Дела в последнее время пошли до такой степени обильно и прибыльно, что он и впрямь начал не на шутку зашиваться, особенно с писаниной и классификацией бумаг.

— А то развел тут пропаганду нездорового образа жизни... — ворчливо добавил он. — Хотя ремонт, пожалуй, надо будет сделать... Когда-нибудь. А подружка твоя пусть приходит. На полставки, раз студентка. И ползарплаты, разумеется. Испытательный срок — неделя.

Так и появилась в квартире Алексея Кисанова секретарша Юля. Слово «свежеиспеченная» шло к ней необыкновенно: она и впрямь была похожа на свежую

маленькую булочку со смугло-румяной корочкой и с черными любопытными изюминами-глазами. И имя Юля ей шло: крохотулечного роста, с пухлыми щечками и заметно выдающейся грудью, она была на редкость подвижна и стремительна и в движениях напоминала раскрутившуюся юлу. Как управлялась Юля в университете с премудростями законодательной науки, Кис не знал, но в делопроизводстве девица оказалась весьма толковой. И он не без некоторого удивления заключил, что секретарша — вещь и впрямь хорошая и в хозяйстве полезная.

...Недра квартиры фыркнули в ответ Юлиным голосом:

— Только третий? За месяц? Я думала, что в Москве убивают как минимум пяток в день! Врут, что ли, газеты?

— Не врут. Просто это уже третий случай с одним и тем же, довольно необычным, способом убийства — отравленной иглой. Занятно. Сделайте кофейку, Юлечка, — добавил Кис и направился к кухне, из которой незамедлительно донеслись звуки воды и звон посуды. Юля была девушкой расторопной и исполнительской.

В своей огромной трехкомнатной квартире на Смоленке Кис не нашел для секретарши более подходящего места, чем кухня. О нет, не потрясите грозным оружием мщения, амазонки и ярые феминистки! Кис женский пол всяко уважал и даже был где-то как-то за равенство полов... С одной лишь поправкой, которую не объедешь: равенства в людях вообще и в полах в частности никогда не было и не будет. Равные права — да, конечно, это мы со всей душой «за», а вот равенство... Все, молчу, молчу. Не хотите, чтобы вам сумку тяжелую поднесли, сами будете кряхтеть? Ладно-ладно, пожалста! Пальтишко не подать? Ну, что вы, конечно же, я не стану вас унижать подачей пальтишка, как скажете. Стоять у плиты не желаете? Ну...

Извините уж, но в обязанности новой Кисовой секретарши входит и приготовление всяких чаев-кофеев. Она свои ползарплаты за это, между прочим, получает. Так что у нас все тип-топ, девушки, сплошная демократия. Складывайте ваше оружие, феминистки, прячьте маникюрные ножницы и коготки наточенные убирайте прочь.

А кухня в качестве места обитания выпала Юле по одной простейшей причине: нехватки места. Одну комнату занимал Ванька, расплачиваясь за нее с Алексеем разными услугами в сыщицкой работе и в компьютерных премудростях; вторую — сам Алексей, третья же гордо именовалась офисом его детективного агентства АКИС (Алексей **КИ**Санов, понятно, да?). Присутствие постороннего человека в офисе Кис не вынес бы — не нужна ему была девица под носом целый день напролет, девица к тому же любопытная, неумеренно склонная к задаванию вопросов. Да и места в офисе было маловато, и хоть Юля росту всего ничего, да ведь не посадишь секретаршу просто на стул — ей еще и стол нужен... Вот и нашелся стол — кухонный. За ним Юля отвечала на телефонные звонки с 15 до 19, регистрировала в большой тетради клиентов, расписание встреч детектива и прочие дела, вела несложный бухгалтерский учет. А также готовила кофе и бутерброды для Алексея и, случалось, для Ваньки, когда бездельник прогуливал занятия и при этом невзначай оказывался дома. Надо сказать, что в эти редкие дни бутерброды получались почему-то особо вкусными, а сервировка стола — более изысканной.

— То есть один почерк? — проявила чудеса сообразительности Юля, ставя чашку с кофе на стол.

— Правильно, — похвалил будущего юриста Кис, пододвигая к себе тарелку с бутербродами.

— Будете расследовать? — почтительно спросила Юля.

— Милая Юля, я вам уже объяснил, что расследую только то, о чем меня просят и за что мне платят. Мы частная фирма, работаем по заказу. И, бог миловал, никто мне расследовать эти убийства не поручал.

— Разборки? — выдвинула версию Юля.

— Если разборки, то очень своеобразные. Слишком уж показательные.

— Мафия? — пожелала уточнений секретарша.

Кис не успел ответить, жуя бутерброд, как зазвонил телефон, и Юля бросилась к аппарату.

— Детективное агентство АКИС, слушаю вас, — приветливо пропела она в телефон. Юле работа была еще в новинку, клиентура Алексея поражала ее девическое воображение, и от повышенного почтения голосок ее нежно подрагивал. — Алексей Андреевич, это вас! — И, прикрыв трубку ладонью, прошептала: — Алексанна Кириллна звонит.

Иными словами, Александра. Талантливая журналистка, красавица и любимая женщина.

Нет, лучше так: любимая женщина, талантливая журналистка и красавица.

Вчера они не виделись: она была на приеме в каком-то посольстве, он сидел над скучнейшей, но необходимой частью своей работы — отчетами. Дело ведь не только нужно раскрыть, но и отчет заказчику написать. К счастью, не все клиенты отчетов требовали — лишь те, кто желал предъявить плоды расследования в зубы неверному супругу, нерадивому служащему или подлому конкуренту. Писанину эту Кис страстно ненавидел всей душой, но переложить ее целиком не мог ни на Ваньку, ни на Юлю: во многих делах требовалась строжайшая конфиденциальность. Вот и пылился вчера Кис над бумагами в одиночестве.

Трубку принял из Юлиных рук радостно: решил, что любимая женщина звонит с тем, чтобы условиться на

сегодняшний вечер. Но любимая женщина не замедлила напомнить, что, кроме сего лестного статуса, она имеет еще статус журналистки, причем куда более известна широким массам именно в этом, последнем, качестве. И что звонит любимая женщина как раз в этом самом последнем качестве и исключительно по делу. Дело же заключается в предложении поработать на весьма популярное и крупное еженедельное издание, которое намерено провести журналистское расследование.

— А при чем тут я, если расследование журналистское? — подозрительно спросил Кис.

— Ну это только так называется, потому что ведет его журнал или газета и отвечают за него журналисты. А уж кто и как будет добывать факты и правду — неважно.

— Плагиат это называется, — проворчал Кис. — Расследуют сыщики, а зовется журналистское.

— Что, славы не хватает? — усмехнулась Александра. — Мало слупил тогда на телевидении?¹ Или с той поры разлакомился?

— Времени не хватает, вот чего, — буркнул Кис. — А со славой как раз перебор, завален по горло, ты же знаешь! Напрасно ты меня рекламируешь своим коллегам...

— Не прибедняйся, солнышко, разве ты нуждаешься в рекламе? Ты у нас звезда экрана! И всем хорошо известно, что я являюсь особой, приближенной к звезде. Вот меня и просят посодействовать... Алеша, это очень серьезно. — Обычная усмешка вдруг ушла из ее голоса. — И бабки редакция готова отстегнуть немислимые.

¹ См. роман Т. Гармаш-Роффе «Ведьма для инквизитора», в котором детектива берут в заложники во время популярной телепередачи.

— Чего расследовать-то? — буркнул Алексей, внутренне сдаваясь. Каждый из стимулов в отдельности был сам по себе вполне достаточен: и просьба Александры, и «немыслимые бабки». А уж взятые вместе...

Однако оказалось, что расследовать надо ни много ни мало как те самые загадочные убийства очень важных персон. Вип, иными словами¹.

— Нет, — быстро сказал Кис.

— Алеша, — строго начала Александра, — Алеша!!!

Кис, не дослушав, пустился загибать пальцы:

раз: дело сложное, что издалека видно и нос чует, и тогда придется бросить все текущие дела, а их много;

два: там уже столпилась вся московская милиция с прокуратурой, брошены лучшие силы, и федералы наверняка не сидят сложа руки, и крутиться у этой компании под ногами ему вовсе не улыбается, да и компания не потерпит;

три: к випам не подступишься, к семьям не подберешься, на все нужно испрашивать разрешение, согласие, а люди это по большей части капризные, охранниками забаррикадированные. И он, Кис, не самоубийца, чтобы...

— Утомил, — сказала Саша, — поняла. А все же подумай, ладно? Не забудь: бабки бешеные!

— Подумаю, — заверил Кис. — Что у тебя сегодня вечером?

Но она уже отключилась.

«Что за жизнь собачья!» — вздохнул Кис.

Алексей Андреевич Кисанов, частный детектив и мужчина в расцвете сил, самым бессовестным образом с собой лукавил и кокетничал: жизнь ему вполне нра-

¹ Аббревиатура от английского *Very Important Person* — дословно: очень важная персона.

вилась, вместе с работой, нехваткой времени, азартными играми расследования, Александрой по вечерам (и ночам, разумеется), свободой души и совести от начальства вкупе с неплохими заработками.

Последнее было редким сочетанием.

Предпоследнее было редким счастьем.

...Им постоянно друг друга не хватало. Не каждый вечер удавалось провести вместе или сойтись хотя бы ночью в постели — жизнь на две квартиры определяла свои правила. Кис обзавелся вторым бритвенным прибором, который поселился в ванной Александры, а в ванной Алексея устроились разные женские штучки: кремчики, лосьончики, ваточки, флакончики... Перечень, разумеется, неполный, но на полный не хватило бы и толстой амбарной книги. В шкафах у каждого вещи-старожилы потеснились, чтобы дать место вновь прибывшим: футболки и джинсы Киса ужались, высвободив полочку для трусиков, лифчиков, кофточек, а костюмы уплотнились, впустив несколько женских нарядов, которые не замедлили пропитать вещи Алексея запахом женских духов. Шкаф Александры также засвидетельствовал свое гостеприимство, приняв в свою утробу небольшую стопку мужского белья, рубашки, пару костюмов и несколько галстуков. Частенько один из них с утра хватался именно той вещи, которая обитала в данный момент, как назло, в другой квартире. Иногда примитивная нехватка какой-нибудь одежды вынуждала разъезжаться ночевать каждого к себе, чтобы с утра иметь под рукой все необходимое.

Тем не менее такая жизнь их устраивала. Ни один из них не хотел покуситься на свободу другого, излишне связать своим постоянным присутствием, обременить совместным бытом: слишком долгой была жизнь до их союза, у каждого своя, независимая и одинокая. И, постоянно голодая друг по другу, в результате они нахо-

дили в этом даже прелесть. По крайней мере, когда их кидало с порога друг другу в объятия, когда они наслаждались каждой минутой совместного ужина или прогулки, когда Александра устраивалась под рукой Алеши на диване перед телевизором, они, несомненно, чувствовали, что мгновения такого насыщенного счастья и единения компенсируют все сложности и хлопоты, связанные с их несемейным союзом. Может, именно потому их вечера были такими уютными, а их ночи такими же безумными, как в первый раз?

Как знать, по-другому они пока не пробовали... И пока не собирались.

* * *

— *Цветик! А ты меня любишь?*

— *Люблю.*

— *Сильно?*

— *Сильно.*

— *Хорошо, хоть ты меня любишь...*

— *И чего ты в голову себе вбил, что мамка тебя не любит? Она тебя разве обижает когда?*

— *Не. Просто она на меня так пусто смотрит... На тебя не так, Цветик. Она на тебя с лаской смотрит. Как если б тебе бублик, а мне дырка от бублика... Вот одного не знаю: почему?*

— *Вот я тоже не знаю: чего ты все глупости придумываешь?*

— *Ты нарочно так говоришь, сознаться не хочешь! А я уже большой! Меня не обманешь!*

— *А вот будешь глупости придумывать, я тебя тогда тоже любить не буду!*

— *Ты сказала — «тоже»! Как мамка, да?*

— *Чего к словам придираешься? Чего вскочил-то? Ну-ка, ляг обратно! Дай одеяло подоткну... И спать, быстро!*

* * *

Он согласился через несколько дней, когда стало известно о четвертом убийстве с тем же почерком. На сей раз отравленная игла досталась заместителю гендиректора большого завода на Урале. Правы диалектики: количество имеет стойкое обыкновение переходить в качество, и после известия об очередном убийстве Кис это качество вдруг ощутил в виде острого сыщицкого зуда и неодолимого желания влезть в сапоги-скороходы. «Кис в сапогах» — это его Ванька так называл.

Однако перед тем как сказать свое благосклонное и долгожданное «да», Кис изрядно повредничал, покапризничал, условий наставил.

Прежде всего затребовал содействия издания-нанимателя в расследовании. Издание-наниматель содействие обещало, хоть задачка была и непростой. Вокруг этих убийств уже крутилось множество различных служб, но до сих пор следствие не сдвинулось с мертвой точки. Ни в одном из четырех убийств подозрительное лицо не было замечено. Не прослеживалось никакой связи между убитыми, ни общих дел, ни политических интересов, и невозможно было вычислить, кто станет следующей жертвой. И будут ли вообще новые жертвы. На всякий случай охрана вокруг разных випов была усилена, и в атмосфере разрастающейся паники газета, имевшая немалый политический и финансовый вес, сумела ею воспользоваться: договориться с нужными людьми, что сыщику, откомандированному редакцией, мешать не будут и допустят к информации и к семьям погибших.

Кис затребовал обеспечить доступ к информации, которой располагало официальное следствие, распорядился предоставить ему все вырезки по прессе, касающиеся загадочных убийств, а также велел редакционному интернетчику выловить и распечатать всю ин-

формацию, включая иностранную, какая только есть в Сети. От Александры в наказание за повышенную инициативу взял обещание лично договориться с семьями погибших о встрече с детективом.

К ее помощи Кис решил прибегнуть не случайно: в обстановке траура, дел по наследству, дележки имущества, горя (или тщательно скрываемой радости облегчения) от смерти мужа и отца, в плотном кольце допросов разноведомственных следователей и журналистов — в безумии этих событий, навалившихся разом на осиротевшие семьи, новое лицо и новые расспросы могут вызвать только однозначно негативную реакцию. Посему Кис предпочел, чтобы о встрече договаривался мягкий женский голос, а не его мужской; дипломатичная Александра, умеющая подать вещи в нужном свете, а не он сам, несколько прямолинейный и не всегда тонкий, не всегда находчивый на слова детектив. «Наша газета старается помочь следствию... Мы понимаем ваше горе... Нам нужно объединить усилия, чтобы найти и наказать убийцу... Нельзя пренебрегать ни малейшим шансом... Частный детектив навестит вас в любое удобное вам время...» — Александра это отлично умеет, вот пусть и отрабатывает свою провинность, коль скоро уж втянула Киса в это дело.

Спустя два дня Алексей располагал всей запрошенной информацией. Ситуация выглядела следующим образом.

Менее чем за полтора месяца было совершено четыре убийства. Два в Москве, одно в Питере, последнее на Урале, в Екатеринбурге. В Москве были убиты депутат и гендиректор банка, в Питере — крупный военный чин в отставке, на Урале — заместитель гендиректора большого металлургического завода. Действительно, сплошные випы. Убиты все одинаково: ядовитой иглой, выпущенной из некоего духового оружия, что-

то в роде индейского сарбакана¹. Что именно за оружие, до сих пор определить не удалось.

Иглы были медицинскими, металлическими, с отрезанными насадками, то есть без той части, которая вставляется в шприц и имеет расширение. Они входили в тело почти полностью и постепенно выпускали быстродействующий яд — ботулотоксин в высокой концентрации: смертельная доза меньше одной тысячной доли миллиграмма. Даже если человек умирал не мгновенно, спасти его было невозможно: яд успевал до приезда «Скорой помощи» достаточно распространиться по кровеносным сосудам...

Места попадания были разными, что связано, скорее всего, с тем, что выпы, как правило, прикрыты охранниками, и убийца выбирал тот участок тела, который попадал в поле его зрения. Ни в одном случае подозрительное лицо не было замечено: каждый раз убийство происходило в людных местах, на открытом воздухе.

Общего в прошлом у всех четверых — всего лишь карьера при советской власти и в Москве. У них и еще у пары-тройки миллионов сегодняшних випов. Удивили.

Все они были мужчинами, разница в возрасте колебалась до 20 лет. Все они занимали достаточно заметное положение в обществе. Все были между собой знакомы, чем трудно удивить в наше время, как, впрочем, и в любое другое время, — на то они и випы, и при советской власти они уже випами были. А рука руку моет, как известно. Обоюдные услуги, одни и те же кормушки, одни и те же больницы, санатории, дома отдыха, элитные дачи...

В свое время все жили в Москве, но при этом нико-

¹ Охотничье оружие американских индейцев, представляющее собой довольно длинную трубку, из которой выдувают маленькую стрелу, смазанную ядом кураре, оказывающим нервно-паралитическое действие.

гда не работали вместе. Двое москвичей — оба бывшие крупные партийные работники, уралец — бывший профсоюзный босс, ухватившийся за завод еще при Горбачеве и уехавший жить поближе к месту работы. Военный чин им же и был при советской власти. Вышел в отставку лет пятнадцать назад и под флагами перестройки двинул в родной Ленинград, где открыл частную торговую компанию по продаже и установке пуленепробиваемого стекла.

У следствия до сих пор нет ни одного стоящего направления. Версия мафиозных или иных деловых разборок была взята за основу, но пока не удалось установить какие бы то ни было политические или деловые контакты между четырьмя убитыми. Отрабатывается также версия маньяка, хотя в ней смущает географический разброс убийств: маньяки, как правило, действуют в одном географическом районе. Но у правил есть исключения, и потому «маньячная» версия остается в работе. Где-то на обочине следственной мысли пустила робкие корни гипотеза «диверсии с целью дестабилизации общества». Проблема, однако, заключалась в том, что на происки ЦРУ в наши дни трудно что-либо списать, на террористов тоже — они предпочитают массовые убийства при помощи взрывов; а ежели допустить, что действует некая внутренняя тайная политическая группа, то к чему она могла приурочить «дестабилизацию»? К предстоящим президентским выборам? Подпортить кандидату репутацию? До выборов, однако, еще далеко...

Единственным стоящим направлением были, с точки зрения Алексея, поиски лаборатории, где яд мог быть изготовлен и очищен, доведен до столь высокой концентрации.

Ну-ну, бог в помощь, ребяташки, Кис у вас под ногами путаться не будет, в конкуренты вам набиваться не собирается. Да и не смог бы, ежели б и захотел: все

деловые бумаги убитых были изъяты, и над ними уже морочится не одна умная голова. Просить их на изучение — дело гиблое: следствию они нужны, а скопировать их, все эти ежедневники, письма, отчеты, записные книжки — гора бумажных изделий, — ксерокс подавится...

Так что хочешь не хочешь, а придется частному детективу довольствоваться тем, что осталось.

А чтобы узнать, осталось ли что-нибудь ему в качестве пищи для размышлений, нужно навестить семьи жертв. Глядишь, чего-нибудь и накопается... Мало ли, может, какая неприглядная история случилась в общем для всех жертв прошлом, а теперь охотится за ними мститель... Хм, натяжка была, мягко говоря, очевидной: какой мститель станет выжидать столько лет?

Ну, а вдруг «иглоукальватель» задумал, к примеру, в президенты баллотироваться? Или его, допустим, на Нобелевскую премию выдвинули? В связи с чем он экстренно испугался бывших друзей, участников или свидетелей старых грешков? И решил их быстренько убрать? Хм, звучит, конечно, не очень убедительно, но чем черт...

Шантаж? При шантаже грозят разоблачением и в наказание разоблачают. Шантажисты жертв доят, а не убивают... Вот разве что все четверо сами оказались шантажистами и «дойная корова» отказалась давать молоко, кардинально избавившись от четверки с повышенными аппетитами?

Или, к примеру, вдруг жены випов расстарались, наняв общего киллера, чтобы избавиться от мужей и в то же время спихнуть все на маньяка или террористов? Похожий случай был уже в практике детектива¹. Надо будет проверить связи между женами. Выяснить, знакомы ли супруги между собой и достаточно ли близко,

¹ См. роман Т. Гармаш-Роффе «Шалости нечистой силы».

чтобы сговориться на подобное? Их отношения с покойными мужьями, интерес в их устранении. Не изменяли ли мужья, чтобы отомстить им за неверность? Каковы условия завещаний?

Одним словом, классический вопрос следствия: кому это выгодно?

Короче, пора заглянуть в гости.

* * *

Кис начал с москвичей, а именно с вдовы депутата Алевтины Иголкиной.

Коренастая, с низким тазом и короткими ногами, Алевтина чем-то напоминала помесь таксы с боксером: короткая стрижка рыжеватых крашенных волос, крепкие щеки со здоровым, не знающим сомнений румянцем, поставленный командный голос. К смерти супруга Алевтина Иголкина отнеслась по-деловому, в силу чего никаких признаков горя стоически не выказала, но зато продемонстрировала готовность следствию всячески помогать, дело мужа — продолжать. Она была явно тем, что называется «идейная соратница»: один из борцов за общее дело выбыл из рядов — что ж, сомкнем плотнее ряды, товарищи!

Уже через пять минут разговора Кис был уверен, что депутатская карьера мужа управлялась на домашней кухне именно ее твердой рукой. Сама Алевтина работала в районной управе, где сидела на разрешениях на строительство, — не столь престижно, как Дума, но зато весьма доходно и куда менее броско. По вкладу в семейный бюджет Алевтина наверняка могла бы с мужем потягаться...

Кис, конечно, знать не мог, но легко представил, как Иголкина, энергично рубя воздух крепкой ручкой и потрясая крепкими щечками, выступает на собраниях за социальную справедливость — и при этом без ко-

лебаний берет взятки за левые разрешения на строительство, торгуясь о сумме со всей партийной прямой. А некоторое расхождение теории социальной справедливости с практикой мздоимства подобному мастодонту советской номенклатуры представляется нормой...

Выслушав твердые заверения, что никаких грехов молодости и темных дел за ее безупречным супругом не водилось, Кис попросил разрешения посмотреть фотографии, на что Алевтина откликнулась с энтузиазмом. Устроившись на диване как-то очень уж вплотную к Алексею, она принялась комментировать старые фото из альбома, который чрезмерно по-товарищески разложила одной обложкой на колено детектива, другой — на свое, отчего их колени соприкоснулись, вызвав у Алексея непроизвольное желание отодвинуться. Однако пришлось сдержаться: чем только не пожертвуешь, чтобы информацию накопить! Чуть не на каждой странице Алевтина гордо тыкала на лица коротким пальцем с красным, как советское знамя, маникюром: «Узнаете? Ну как же нет?! Это ведь секретарь ЦК Косиков! А этого? Это же тогдашний министр иностранных дел! Ну вот этого вы наверняка узнали, да? Ну вы что в самом деле, это же народный артист СССР Безухий! А это же наша любимая певица, Тучкина, как она песни народные пела, ее весь ЦК заслушивался! Узнали наконец? Мне вот, между прочим, пятьдесят семь, а память лучше вашего!..»

Тут Алевтина выдержала значительную паузу, и Кис почувствовал себя принужденным выдавить комплимент:

— Вам не дашь вашего возраста...

Чутье его не подвело — Алевтина ждала именно этих слов, чтобы радостно пуститься в хвастливые комментарии: «Мне никто не дает моего возраста! А все почему? Потому что не позволяю себе распускаться! В тре-